

АБХАЗИЯ: ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ КАРТОГРАФИЯ, ТОЧКИ ОТСЧЕТА И СПОСОБЫ СБОРКИ

Оксана Запорожец

Оксана Николаевна Запорожец. Адрес для переписки: Самарский государственный университет, факультет социологии. 443011, Самара, ул. Академика Павлова. ozaporozhets@gmail.com.

[Э]то целый мир. О нем не рассказать в кратком обзоре, его не унести на фотопленке. Лучше, если он запечатлится в памяти вашей души и станет частью вашего сердца.

А. Ключев, гагринский краелюб

Первое столкновение с Абхазией произошло незадолго до предполагаемой поездки. На рассказ о планирующемся путешествии мой старший брат отреагировал обычной для него иронией, только на сей раз в его словах почему-то звучали нотки тревоги: «Ну куда тебя опять несет? Там же опасно! Если что — отбивайся, если не получится — сообщи, куда выкуп отправлять». Так, благодаря его словам, конечная цель моего путешествия на глазах превращалась в *другое* место, сулящее опасности и сомнительные приключения, выпадающее из размеренности и спокойствия повседневной российской жизни.

Сегодня восприятие пространства как социального конструкта или схемы классификации привычно для социальных наук. В этом случае Абхазия превращается в головоломку, которую интересно разгадывать, определяя «механизмы, благодаря которым место обозначается как *другое*» (Mitchell 2000: 27). Она помещается на когнитивную карту, на которую различные агенты наносят объекты и качества, составляющие основу ее своеобразия. Появление Абхазии как ментальной схемы совпадает с попытками постсоветского реструктурирования пространства, его новой семиотизации.

Расшифровка значения географического конструкта всегда ведется с определенной позиции. Моей точкой отсчета стало российское (постсоветское) общество, что предполагает наличие у меня ряда культурных и идеологических схем восприятия.

АБХАЗИЯ КАК ФАНТОМ

Существует ли Абхазия как *другое*? Этот вопрос все чаще приходил мне в голову по мере погружения в ворох проспектов, фотографий, своих и чужих дневниковых записей. По мере того как Абхазия должна была становиться данностью, реальность существования которой подтверждали многочисленные «вещественные доказательства», включая флаг и бутылку вина, уютно разместившиеся на книжной полке, мои сомнения возрастали. Отстранение, отступление на шаг назад виделись мне способами разрешения возникших вопросов.

Возможно, моим попыткам «опознать» Абхазию препятствовали две различные, но в чем-то схожие культурные схемы: «советская» и «постсоветская». Первая услужливо актуализировала целостность СССР, делая выделение ее административных или политических частей невнятным и необязательным. Наверное, именно под влиянием таких атавистических представлений я взяла с собой в поездку только российский паспорт, все сильнее нервничая по мере приближения к границе, осознавая «реальность» другой страны. Преобладавшее «тематическое», а не политическое деление СССР вызывало в памяти со школы знакомое «Кузбасс — всесоюзная кузница, Кубань — житница, Черноморское побережье [Кавказа] — здравница», актуализируя не менее сильный советский курортно-туристический статус территории. Кавказ (точнее, его черноморское побережье) еще с советских времен тематизировался как единое символическое пространство.

«Постсоветская» схема также поглощала Абхазию, по-прежнему делая ее частью единого кавказского пространства. Но это была уже иная тематизация Кавказа. Оживая усилиями российских масс-медиа и властных структур, она превращала его в нестабильное, недружественное, полное явных и скрытых угроз пространство. Одиозная «*кавказская* национальность» стала одной из первых подобных номинаций региона. Вероятно, поэтому для российского обывателя Абхазия сегодня зачастую становится частью единого военно-кавказского дискурса, лишённого четких деталей, напоминая «бородатый» анекдот: «Непонятно — не то он украл, не то у него украли, но осадок остался».

АБХАЗИЯ НА РОССИЙСКОЙ ВИТРИНЕ

Второй встречей с Абхазией мог бы стать стенд экскурсионного киоска в Адлере. Однако мне — туристу, обладающему топографической и политической безграмотностью, было трудно догадаться, что речь идет о другой стране: Абхазия оставалась за скобками фотографий и туристических проспектов, распадаясь на множество глянцевого образов, самыми узнаваемыми из которых были озеро Рица и Новый Афон. Рассматривая выгоревшие на солнце и изрядно подмоченные осенним дождем фотографии туристических достопримечательностей, я поначалу понятия не имела, что речь идет о другой стране. *Другость* не обозначалась в надписях, расхваливающих по умолчанию абхазские чудеса, наряду с местным обезьяним питомником, сочинским аквапарком, Красной поляной и другими южными красотами. Картина южного туристического рая, размещенного на стенде, не пре-

рывалась такой мелочью, как граница, фактически соответствуя строкам советского путеводителя: «Курорт Сочи занимает 150 километров прибрежной зоны». Только более поздние разговоры с коллегами и реанимация собственных скудных географических познаний подсказали — красоты на «другом берегу». Сегодня, оглядываясь назад, из своей теплой комнаты, я жалею, что не завязала разговор со скачущими под осенним дождем «продавцами впечатлений» — одними из основных агентов, формирующих рамку восприятия и транслирующих эти туристические образы с российской стороны.

Поиск ускользающей *дружости post factum* превратился в исследовательское наваждение. Незримый друг словно играл со мной в прятки, ведь бесконечно упоминающиеся *природные красоты, исторические места, православие, дешевизна отдыха* могли быть с успехом повторены в любом туристическом буклете, а строки классика: «Кругом цветы да море синее, то в нос тебе магнолия, то в глаз тебе глициния», — сказаны о любом южном городе.

АБХАЗИЯ КАК ПРОДУКТ «ВНУТРЕННЕГО УПОТРЕБЛЕНИЯ»

Первая вылазка за границу, несмотря на контрольно-пропускной пункт и причудливый лабиринт границы, казалась скорее путешествием в изрядно потрепанное советское прошлое, чем в другую страну. Абхазия материализовывалась постепенно, по мере отдаления от границы и погружения в другой опыт: туристические карты и схемы — этакий «глобус Абхазии», путеводители, немногочисленные кафе с абхазской кухней маркировали пространство как другое.

Но дружость (особенно в туристическом дискурсе) выглядела как-то сомнительно, будучи слишком «своейской», поскольку создавалась она весьма знакомыми средствами или отсылала к известному опыту: общим деятелям или событиям XIX–XX веков, цитатам русско-советской классики (от Бестужева-Марлинского до Пастернака), местам съемки известных фильмов («Веселые ребята», «Зимний вечер в Гаграх»), путеводителям советских времен. Постоянные параллели с русской провинцией скорее подчеркивали сходства, чем обнажали различия: «питание обойдется не дороже, чем в России», «уровень медицинского обслуживания не уступает российской провинции», «состояние дорог в Абхазии относительно хорошее (лучше, чем в российской глубинке)» (Лылов 2005: 5, 11, 48). Именно похожесть на Россию (ее провинцию) или какая-то советская общность, на мой взгляд, наиболее часто предлагались к продаже на абхазском туристическом рынке.

Время от времени на страницах путеводителей, в разговорах с местными жителями появлялись темы Абхазии и «абхазскости». Однако подобные презентации были ориентированы не только (или не столько) на внешнего, сколько на внутреннего потребителя, превращаясь в один из способов построения, демонстрации и поддержания национальной идентичности по принципу «И мы можем!». «Абхазскость» (в отличие от кавказской экзотики — звучит всем известная музыкальная заставка: «Да, да, да, это Кавказ!») пока не стала товаром туристического рынка, не предлагалась к продаже по сходной цене, не зависела от спроса. Один из

основных способов сбора частиц разрозненной российско-, гагринско-, сухумской мозаики в единое целое — «абхазскость» — тематизация войны, многократно и внезапно обрушивающаяся на слушателя, вне зависимости от его желания поддерживать разговоры или наблюдать соответствующие презентации. Нечаянное знакомство на сухумском рынке с «подрывниками-добровольцами», настойчиво просившими сфотографировать их, героев войны, маниакальное желание квартирного хозяина продемонстрировать свою военную форму и выправку на прощальном ужине, фраза в путеводителе: «Войны в этой стране нет уже 12 лет» (Лылов 2005: 48), свидетельствуют скорее не о формировании рыночной туристической экономики — экзотизации для продажи, а о символической значимости подобных презентаций, их внутренней ориентированности, в которой туристам отведена лишь роль зеркала или пассивного слушателя.

Забавным подтверждением этой идеи может служить серия происшествий, не лишенных легкого флера абсурдности, с точки зрения привычной туристической логики. Первым была моя неожиданная покупка в забытой богом и читателями гагринской библиотеке туристического проспекта о городе, изданного в 2003 году и резко отличающегося от наборов открыток образца тысяча девятьсот затертого года, предлагающихся к продаже на городском рынке. Вождеденный проспект сначала был предложен мне для чтения и только потом продан расчувствовавшейся библиотечаршей. Согласимся: библиотека — последнее место, способное прийти в голову туристу, озабоченному поиском открыток с городскими видами, если только он не обладает дотошностью и вездесущностью профессионального исследователя. Вторым событием стала наша встреча с автором «сувенирного информационного издания об Абхазии» на английском языке, третий год находящегося в процессе перманентного написания и переписывания текста в связи с изменяющейся в республике политической конъюнктурой. Вопрос о потенциальной аудитории издания явно смутил автора, творящего скорее из «любви к искусству», нежели из реалий туристического рынка и присутствия на нем иностранцев. Неориентированность автора на аудиторию проявилась и в сознательном пропуске встречи с американским исследователем, заинтересованным в знакомстве с материалами.

Конечно, было бы упрощением представлять «внутреннюю замкнутость» туристических презентаций исключительно как следствие сознательного выбора. По всей видимости, не последнюю роль в этом играет неразвитость туристической инфраструктуры, незнание правил игры на новом для многих поле туристического бизнеса. Вместе с тем нельзя отрицать и тот факт, что туризм в Абхазии становится средством доказательства собственной ценности («к нам едут, следовательно, мы существуем») и важным символическим элементом конструирования «национальной особенности».

И небольшая заметка на полях: ощущение *другости* создается не только тем, что говорится, но и тем, как информация представляется в различных дискурсивных рядах. Так, читая путеводитель по Абхазии, невозможно отделаться от ощущения другого стиля презентации, в частности другой топонимии. Привычная для нас универсально-безличная топонимия, указывающая на общеизвестные

объекты: улицы, проспекты, номера домов — уступает место (или сочетается) локальной топонимией (обычно свойственной жителям небольших городов или сел), акцентирующей некие «знаковые точки», хорошо известные местным жителям. К примеру, в Гагре таким ориентиром становится милиция: «Гагра. Кафе “Малибу” (напротив Милиции)» или «Гагра. Ул. Гудаутская. Кафе “Привал” (у Фатимы). *Довольно высоко над Милицией*» (Лылов 2005: 18; курсив мой. — О.З.).

«АБХАЗСКОСТЬ» ПОД КОНТРОЛЕМ

В стране, где, казалось бы, каждый горожанин (от водителя маршрутки до случайного прохожего) — спонтанный экскурсовод, попытки жесткой регламентации туристических презентаций были весьма неожиданны. Но случайно увиденная телевизионная передача с участием министра туризма Абхазии убеждала нас в реальности намерений государства контролировать эту сферу. Интересно, что речь шла не об экономической регуляции в стиле российской — «заплати налоги и спи спокойно» (к тому времени было замечено, что налогов в Абхазии почти не платят), не о призывах к созданию более комфортных условий или повышению безопасности туризма, но о контроле содержания экскурсий. При этом ответственность за соответствие презентации «истинному положению вещей» возлагалась на Институт истории Абхазской академии наук. Вольные рейнджеры, по образному выражению министра, повадившиеся проводить «закрытые экскурсии в открытом джипе», должны быть лишены права «представлять страну» иностранцам и объявлены браконьерами туристического бизнеса. На глазах туризм изымался из рыночного поля, помещаясь в столь хорошо знакомую советскому человеку область идеологического контроля авторитарного государства, в котором ему отводилась роль выставки достижений народного хозяйства.

Пересечение туризма и политики в Абхазии — факт, генерирующий гораздо больше вопросов, чем ответов. Как соотносятся эти проекты в дискурсах и повседневных практиках, какую роль играет туризм в национальном и государственном строительстве Абхазии, к кому обращены соответствующие презентации — темы самостоятельных исследований. Пока же, глядя на эту веселую картинку или вспоминая «подарочно-сувенирное издание», причудливо объединяющее разделы «Политические партии Абхазии» и «Талассотерапия», можно говорить о явной несостыковке политического и туристического проектов.

Будет ли политика экзотизирована и позиционирована как туристический товар, превращая Абхазию в успешный коммерческий продукт под маркой «берег свободы»? Будет ли туристическая экономика каким-то образом взята под контроль государства? Эти вопросы особенно интересно было бы рассмотреть на основе различных туристических дискурсов.

КОЛЛЕКЦИЯ КУРЬЕЗОВ — И ЕЩЕ ОДИН ПОВОРОТ СЮЖЕТА

По возвращении я многократно отвечала на вопрос друзей и знакомых: «Как оно там?», — ловя себя на сознательной экзотизации места, подчеркивании его

другости. Места, о которых я рассказывала, определенно выпадали как из общего абхазского контекста, так и из привычной, размеренной российской повседневности своими парадоксами и разрывами. Утопией казались претензии на превращение Абхазии в Черноморскую Ривьеру, сопровождаемые явными ошибками в соответствующем английском тексте, диковиной казалось позиционирование двух рядом стоящих пластиковых горок в качестве «аквапарка почти европейского уровня», абсолютно выпадало из контекста фантастическое место, названное коллегами «Музеем всего», соединившее в себе музей, мавзолей, вечный огонь и охотничий домик с мельницей. Очень хотелось бы, чтобы эта коллекция курьезов не осталась для меня «шкатулкой с колониальными пряностями», а стала профессиональным инструментом проблематизации собственной и иной социальности.

БИБЛИОГРАФИЯ

Лылов, Д. 2005. *Справочник по Абхазии*.

Mitchell, T. 2000. *The Stage of Modernity* // Timothy Mitchell (ed.) *Questions of Modernity*. Minneapolis: University of Minnesota Press.